

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

Научная статья

УДК 172.16

DOI: 10.46724/NOOS.2025.1.29-36

Л. Д. Петряков

РУССКИЙ СИНКРЕТИЗМ В ОПЫТЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Цель статьи — проанализировать явление синкретизма, характерное для русской ментальности и культуры. В фокусе автора — критический реализм XIX века и советский андеграунд. Показано, что ментальным проявлением синкретизма стал особенный характер русской философской и эзотерической мысли, по преимуществу иррациональной и публицистической. Явление синкретизма рассмотрено на уровне психологии, ментальности, картины мира, социальности, идентичности и политики. Базовый метод, применяемый автором, — дискурс-анализ. Сделан вывод, что русский синкретизм предполагает единство людей и одновременно их различие по степени близости: за друга (или идею) такой человек готов отдать жизнь, но к большинству других людей он равнодушен, не рассматривает их как других «я». Рассмотрены примеры гармоничного и дисгармоничного синкретизмов, характерных для истории разных стран и народов. Раскрыт творческий потенциал синкретизма, способного в случае гармоничного синтеза разных культурных начал порождать качественно новые социальные отношения и институты, способствовать общественному прогрессу.

Ключевые слова: синкретизм, сиблинговые отношения, литература, философия, мифологическое сознание, крабовый эффект.

Ссылка для цитирования: Петряков Л. Д. Русский синкретизм в опыте литературы и философии // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 29—36.

Original article

L. D. Petryakov

RUSSIAN SYNCRETISM IN THE EXPERIENCE OF LITERATURE AND PHILOSOPHY

Abstract. The purpose of the article is to analyze the phenomenon of syncretism, characteristic of the Russian mentality and culture. The author focuses on the critical realism of the 19th century and the Soviet underground. It is shown that the mental manifestation of syncretism was the special character of Russian philosophical and esoteric thought, mainly irrational and journalistic. The phenomenon of syncretism is considered at the level of psychology, mentality, picture of the world, sociality, identity and politics. The basic method used by the author is discourse analysis. It is concluded that Russian syncretism implies the unity of people and, at the same time, their difference in the degree of closeness: such a person is ready to give his life for a friend (or an idea), but he is indifferent to most other people, does not consider them as other “I”. Examples of harmonious and disharmonious syncretism, characteristic of the history of different countries, are considered. The creative potential of syncretism is revealed, which, in the case of a harmonious synthesis of different cultural principles, is capable of generating qualitatively new social relations and institutions and promoting social progress.

© Петряков Л. Д., 2025

Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 29—36 •

Keywords: syncretism, sibling relationships, literature, philosophy, mythological consciousness, crab effect.

Citation Link: Petryakov L. D. (2025) Russian syncretism in the experience of literature and philosophy, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 29—36.

Введение. С. Л. Франк выразил синкретизм так: «Непосредственное чувство, что мое бытие есть именно бытие, что оно (мое бытие) принадлежит бытию всеобщему и укореняется в нем» [Франк, 1996: 43]. С такой точки зрения, не существует таких категорий, как добро и зло, красивое и уродливое, чистое и грязное. «Она чище всех прочих; а грязь — истерическая. Искренней чистоты», — пишет автор поэмы "Москва — Петушки" В. Ерофеев о своей «любимой блуднице». Мысль, что человеку надлежит принимать все происходящее, ничего не отвергая, ко всему относясь как к данности. Искренность и открытость миру, граничащие, с цинизмом (кинизмом). В этом состоянии есть только два модуса: умереть за другого, а лучше вместе с ним. Или “всеобщее малодушие” — да ведь это спасение ото всех бед, эта панацея, это предикат величайшего совершенства! Никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости!» — писал В. Ерофеев. У такого героя (Обломов) не может быть внутренних противоречий, «раздвоения личности», поскольку раздваиваться нечему: он часть Природы, герой мифа.... В этом состоянии легче переживать трудности, подставляя плечо друг другу. Почему «малодушие»? Потому, что всепринятие означает гармонию, равновесие с миром — «ноосферой», где всякое «я» часть большого «Мы» (Е. Замятин). Но стоит разрушить это мы в самом важном, близком пункте — смертью любимого человека, так и вторая часть «его-меня» стремится к смерти. По закону гармонии Вселенной. Всеединство Вл. Соловьёва, не требующее теоретического представления: достаточно вспомнить наивное «озорство» красноармейцев у М. А. Булгакова в «Белой гвардии» да и органичный русский панк-рок Свина — А. Панова.

Поводом для обращения к этой теме послужила статья Марины Соколовой «Венедикт Ерофеев: до боли близкий», где на основе дневника писателя и его поэмы «Москва — Петушки» рассматривается личная трагедия автора и ее философский смысл. Я заметил, что это свойство «синкретизм» характерно не только для героев В. Ерофеева, но и для многих героев русской литературы, и не только русской. В частности, историю Ромео и Джульетты можно рассмотреть как проявление синкретизма людей или сиблинговых отношений. Философский аспект этой темы состоит в ее экстраполяции на русскую ментальность в целом.

Синкретизм — сочетание разнородных философских начал в одной системе без их объединения чем-то общим¹. Восток и Запад, язычество и христианство. Учения русских философов и ученых: Н. Ф. Фёдоров, Вл. Соловьёв, Н. Гумилёв, Н. Рерих, Е. Блаватская, В. Вернадский. Лишь в утверждении синтеза веры, опыта и умозрительного знания, как считал Вл. Соловьёв, можно приблизиться к построению «всеобъемлющего мировоззрения» [Красильникова, 2018: 95]. Однако одно из основных противоречий его учения обнаруживается уже

¹ Синкретизм. Культурологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://sbiblio.com/BIBLIO/content.aspx?dictid=5&wordid=72644> / (дата обращения: 12.12.2024).

в самой метафизике всеединства — в несоответствии соловьевской концепции традиционному христианскому вероучению в плане взаимодействия Абсолюта и мира. В духовном становлении самого философа эта метафизика претерпела изменения, но источником вдохновения для последователей мыслителя стали идеи его раннего творчества.

Синкретичное мышление. Прототипом многих «всеединых» рассуждений выступает детское мышление: неспособность к логическому рассуждению из-за тенденции заменять синтез соположением (между, рядом). К примеру, если Россия — между Европой и Азией, она должна соединять их либо быть отдельной цивилизацией. Вопрос «почему?» не возникает. Причина выводится непосредственно из наблюдаемого факта. Ярче всего он проявился на переломе эпох, в начале XX века. Такую оценку давал этому времени, в частности, Бердяев. Синкретизм характерен также для мышления мифологического. Он строится на апеллировании к сакральному Единому, Началу. Синкретично мыслящий человек воспринимает себя и мир вокруг не двойственно (добро и зло, причина и следствие, я и другие «я»), а едино. Для такого мышления характерна «круговая перспектива»: в ней не логика, а комплекс ожиданий, «картина мира», где все ответы уже есть, определяет следующее действие. Как в пословицах и поговорках. Круговую перспективу явно изобразил русский авангард в живописи. А о комплексном мышлении как стадии развития абстрактного мышления писал [Выготский, 1934]. Выделяют две формы вербального синкретизма: рассуждения, искажающего соединяемые идеи, и понимания, когда мысль понимающего создает сначала схему фразы, из которой и выводит ее смысл. Представителем и исследователем русского синкретизма можно считать Фёдора Степуна, защитившего диссертацию по Вл. Соловьёву и читавшему уникальный курс «История русской мысли». В параллель ему можно поставить последующую «историю систем мысли» Мишеля Фуко. В частности, Ф. Степун считал философию не выделенной из других форм сознания, сочетал в своих трудах различные способы описания реальности, размывая жанровые и дисциплинарные границы [Степун, 2023].

Синкретичное сознание. Мифологическое сознание синкретично, оно выступает парадигмой объяснения всех явлений, апеллирования к некоему сакрализованному началу. Но и в дальнейшем, с развитием сознания синкретизм не исчезает, а становится свойством языка, «схватывающим» логическую и эмоциональную суть события. «Синкретизм является одним из фундаментальных свойств мышления человека, характерным для любого уровня развития общества и языка и выступает важным средством развития языка. Когнитивной основой синкретизма является фундаментальное свойство восприятия и мышления в целом — гештальтность. Он служит не только изначальной формой целостности, но и конечной целью целостности, целостного освоения мира» [Санжарова, 2020: 124]. (Замечу, как и практика в русском марксизме). А если начало, конец и критерий действия совпадают, мы движемся в некоем круге (магическом и историческом). Философской основой синкретизма выступает мистицизм, различные эзотерические практики и системы, очевидную параллель ему можно найти в платонизме и неоплатонизме. Если мир можно представить как совокупность бесконечных проявлений Единого Начала, то в нем существует только «закон», проявляющийся ситуативно, как в «Книге Перемен», согласно которому этот

мир функционирует. Одним из аспектов этого закона выступает пульсация: множество — единство — качественно новое множество.

Синкретизм в опыте русской литературы. Известны увлечение этими эзотерическими практиками русских писателей, деятелей культуры и влияние этих практик на русскую литературу, начиная с Пушкина и Гоголя. Многие свойства ментального синкретизма можно обнаружить у едва ли не большинства персонажей русской литературы. Это герои «Мёртвых душ» Н. Гоголя: от Манилова до Коробочки и Плюшкина они так гармоничны, что даже не вызывают упрека в своей «ненормальности»! А где же эта «норма»? Получается, нет ее вовсе? Аналогично описаны герои А. Островского, Веничка у Венедикта Ерофеева, Вавилен Татарский у Виктора Пелевина. Венедикт Ерофеев своей поэмой «Москва — Петушки» реализует идею уничтожения индивидуального сознания, как и Е. Замятин в антиутопии «Мы», и именно ее считают центральной идеей произведения Ерофеева². Отчасти это буддистская идея. Но на место уничтоженного сознания должно прийти что-то другое. Что именно? В буддизме — сознание религиозное. Одним из проявлений синкретизма является шаманизм, ставший частью русской культуры XXI века: начиная от якутского и тувинских шаманов, пришедшим к нам через масс-медиа, плюс мистическое восприятие власти, к певцу с характерным псевдонимом «Шаман»! Массовая культура легко присваивает себе и профанирует то, что не успела осмыслить и выразить культура «высокая».

Гуманистические свойства синкретизма. Большой интерес для меня представляют «человеческие» следствия синкретизма, имевшие серьезное влияние на формирование русской ментальности. Героическое начало, как и трагическое, здесь проявляются сразу недооценкой и презрением к собственной жизни: ее легко отдают за идею, за друга, от обиды и разочарования и просто не замечая этого. Следствия синкретизма: уничтожение сознания «отдельности». Всеприятие, равновесие с миром — «ноосферой», где всякое «я» часть большого «мы». «Малодушие», равнодушие, безразличное отношение к «дальним» при остром переживании за близких, родных: «Их — понятно, а нас-то за что?» «Выживание»: легче пережить трудности, подставляя плечо другу. Как верно заметил Джон Дон, «Нет человека, который бы был один, как остров», жил вне общества, но, с другой стороны, это общество не может развиваться, не будучи разделенным на отдельных людей. Невозможность провести различие между собой и другим рассматривают как серьезное психическое отклонение. Поэтому «кризис идентичности» — это не только социальная, но и ментальная проблема.

Психология синкретизма. Психологически синкретичная связь, зависимость между людьми формирует сиблинговый комплекс: отношения любви/ненависти между близкими родственниками, братьями, сестрами, особенно старшим и младшим в семье. «Старший ребенок проживает опыт того, что другой как будто приходит на его место и „убивает“ его. Поэтому первая реакция на угрозу появления нового — „убить“ его первым» [Митчелл, 2020: 132]. А Любовь к своему брату, к сестре — это также и любовь к самому себе, это самообожание, а значит, и невозможность провести различие между собой и другим.

² Соколова М. Венедикт Ерофеев: до боли близкий. Марина Соколова предлагает новые ключи к «Москве — Петушкам» 4 августа 2020. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/25060-marina-sokolova-moskva-petushki-novye-klyuchi> (дата обращения: 14.11.2024).

Младший хочет быть не хуже старшего, хочет быть равным ему и всякое свое умаление рассматривает как несправедливость по отношению к себе. Он выделяет свое «я» по отношению к окружающим, родителям, но своего брата или сестру рассматривает как «не-я», свое-иное, вырвавшуюся вперед часть себя и стремится уравниваться с ней. Отсюда возникает парадоксальное понятие — характеристика русских: «индивидуалистический коллективизм». Если мы все «братья и сестры», то отношения братьев и сестер могут быть: «поддерживающие: для них характерны высокие показатели по привязанности и низкие по конкуренции. Испытывающие потребность друг в друге, отличающиеся высокой привязанностью и аттракцией. Отношения безразличные, с низкими показателями по привязанности и высокими по апатии. Отношения враждебные, с низкими показателями по привязанности и высокими по критицизму и безразличию и, собственно, конкурирующие» [Митчелл, 2020: 251].

Синкретизм и справедливость. Конкуренция между детьми-сиблингами показывает новый ракурс рассмотрения социальной справедливости: при всей несправедливости для одного, уравнивательная справедливость кажется наиболее привлекательной для всех, как «равного себе большинства», «человека-народа». Самосознание такого человека формирует образ «я» как «первого среди равных» и одновременно «последнего среди неравных». Признающего только власть «большого отца». Неравенство среди сиблингов вызывает «крабовый эффект», стремление принизить «выскочку». Если оба ребенка успешны и считают друг друга «ровней», проблема не возникает, напротив, растет самооценка каждого. Если же взаимного успеха нет, то возникают проблемы «бедных родственников»: «мы, сироты...», — говорят проигравшие, не радуясь успехам брата. У успешного возникает чувство вины за провал брата. Разрешение этого противоречия возможно: разорением успешного; гибелью неудачника; призыванием «большого отца», способного отнять у богатого и поделить «поровну».

Синкретизм и идентичность. Если же синкретичная, сиблинговая связь распалась, человек может вообразить себя Единственным, подобным Родиону Раскольникову, находящимся вне эмпатии к людям и морали. Как писал А. С. Пушкин:

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы.
Для нас орудие одно;
нам чувство дико и смешно.

В ином случае начинается процесс формирования персональной идентичности. Он может опираться на поиск новых друзей, самооценку своих поступков, различение добра и зла в мире и т. д. «Общество деградирует, если не получает импульсов от отдельных личностей; личность деградирует, если не получает сочувствия от всего общества» [Джеймс, 2011: 135]. Это проблема активного политического слоя в обществе, всегда выступающего с новыми идеями и требующего своего участия во власти, мобильности, в том числе участия молодежи. В последние годы эта проблема только обостряется.

Синкретизм и международная политика. Сиблинговые отношения можно обнаружить и в политической сфере, это отношения между соседями, близкими по уровню развития, один из которых начинает опережать другого, вызывая страх у неудачника. Этот эффект отвечает на вопрос истории, почему соседние, развитые государства преимущественно воевали между собой, не

стремясь к освоению других, менее развитых, «пустых» территорий. Сиблинги в политике: Афины и Спарта; Рим и Карфаген; Англия и Франция; Сербия и Болгария; Китай и Япония... Не является ли современный процесс глобализации формой синкретизации разных культур, мировоззрений, политических и экономических систем, провоцирующий конфликты с одной стороны и интеграцию с другой?

Модусы синкретизма. Процесс синкретизации может иметь два модуса развития: один представляет неорганическое слияние разнородных элементов, а другой, напротив, органическое. Пример первого — ментальность поздней Римской империи, ее система общественного сознания (I—III вв. н. э.) [Красильникова, 2018: 93]. Пример второго: искусство Возрождения, сочетавшее античные формы с христианским содержанием и мифологией «варварских» племен. Другой пример: римское право и правовая система европейского Средневековья. Римское право было заимствовано новыми государствами Средневековья и изначально регулировало имущественные отношения, но его принципы постепенно распространялись на обычное право и властные отношения.

Синкретизм в русской культуре. В отличие от классического, русское Возрождение — «Серебряный век» было синкретичным и по форме, и по содержанию. Николай Бердяев писал: «Религиозное возвращение было христианообразным, ... Но был сильный элемент языческого возрождения. В известный момент произошло смешение разных духовных течений. Эпоха была синкретической» [Бердяев, 1990: 152]. Стремление к универсальному синтезу представляло мечту эпохи, но его всеохватность содержала опасность распада. «Воплощая Христа, она — София, Лучистая Дева; не воплощая Христа — Лунная Дева, Астарта, Огнезарная Блудница, Вавилон» [Блок, Белый, 1990: 354]. Реализация синкретичного синтеза в культуре начала XX века была проблематичной в силу того, что он представлялся безмерным и всеохватным, соединял несоединимое. Его всеохватность содержала в себе опасность распада. Устремленность к синтезу и реальное соответствие культуры принципу синкретизма составляют коренное противоречие «канунной» эпохи. Великий синтез оказался утопией. Культуротворчество эпохи осталось в границах синкретизма, культура предстала как «перекресток противоречий» в разнородности и рассогласованности отдельных элементов, что соответствовало переходному, «разрывному» ее периоду.

Синкретизм в русской истории. По мнению историка А. С. Ахиезера, в российском обществе господствует модифицированный инверсионный цикл, восстанавливающий то, что уже было, но ограниченно и неполно [Ахиезер, 1997: 123]. Согласно ему, «массовые идеалы не изобретаются. Они вырастают из народной почвы» [там же: 163]. Отвечая на вопрос: почему после грандиозных социальных потрясений, в ходе которых «Россия вновь разметала ненавистное начальство» [там же: 7], не происходит выхода на новый уровень медиации и рефлексии, но страна вынуждена изнурительно перебирать, пробовать свои старые мифы? Автор утверждает: «Преобладание в стране древних синкретических ценностей, согласно которым личность видела смысл своего существования, лишь растворяясь в некотором целом, партиципируя к первому лицу, неизбежно приводило к тому, что государство зависело от способности людей приобщаться к нему как к тотему» [там же: 133]. В результате «в борьбе за уравнивательность силы синкретизма могут использовать косу манихейства, чтобы срезать все, что

лежит выше приемлемого уровня разнообразия, т. е. уничтожить сословность» [там же: 245]. Революция показала полную несовместимость либерального и синкретического идеалов. Торжество уравнилельных синкретических общинных ценностей, замкнутых на самих себя, без какого-либо стремления к большому гражданскому обществу [Нагорнов, 2021: 235]. Вывод, который напрашивается из этого, — необходимость развития не только институтов гражданского общества, но и рационального мышления, перестройка сознания, в том числе, средствами образования.

Синкретизм может не только проявляться в культуре и религии, но и затрагивать практически все сферы социума. Одной из важнейших особенностей синкретизма является его функционирование в качестве процесса, приводящего к трансформациям, гибели одних и формированию других, новых социальных систем [Гаврилова, 2015: 31]. Так было после гибели и распада Римской империи, колониальных империй, наступала эпоха новых, национальных государств. Творческий характер синкретизма так же имеет место, как и разрушительный.

Смысл русского синкретизма. Синкретизм может быть гармоничным синтезом разных начал, если наполняет эти формы удовлетворяющим всех содержанием, если имеется общая основа для такого синтеза, если объединяющее начало имеет большую ценность для всех участников синтеза, чем те начала, которые их разъединяют, если приводит к успеху обоих партнеров.

Библиографический список / References

- Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1: От прошлого к будущему. 804 с.
(Akhiezer A. S. *Russia: Criticism of historical experience (Socio-cultural dynamics of Russia)*: in 2 vols, Novosibirsk, 1997, vol. 1: From the past to the future, 804 p. — In Russ.)
- Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
(Berdyayev N. A. *Self-knowledge (the experience of philosophical autobiography)*, Moscow, 1990, 336 p. — In Russ.)
- Блок А., Белый А. Диалог поэтов о России и революции. М.: Высшая школа, 1990. 687 с.
(Blok A., Bely A. *The dialogue of poets about Russia and the revolution*, Moscow, 1990, 687 p. — In Russ.)
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1934. 432 с.
(Vygotsky L. S. *Thinking and speech*, Moscow, Leningrad, 1934, 324 p. — In Russ.)
- Гаврилова Ю. В. Синкретизм как фактор формирования и эволюции социальной реальности. Проблемы реальности и ее отражения // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2015. № 2 (42). С. 29—34.
(Gavrilova Yu. V. Syncretism as a factor in the formation and evolution of social reality. The problems of reality and its reflection, *Humanitarian Vector. Series: Philosophy, cultural studies*, 2015, no. 2 (42), pp. 29—34. — In Russ.)
- Джемс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: Популярные лекции по философии. М.: ЛКИ, 2011. 240 с.

(James W. *Pragmatism: a new name for some old methods of thinking: Popular lectures on philosophy*, Moscow, 2011, 240 p. — In Russ.)

Красильникова М. Б. Синтез и синкретизм: принципы организации русской культуры «канунной» эпохи // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 31. С. 91—99.

(Krasilnikova M. B. Synthesis and syncretism: principles of the organization of Russian culture of the “Eve” era, *Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism*, 2018, no. 31, pp. 91—99. — In Russ.)

Митчелл Дж. Скрытая жизнь братьев и сестер: Угрозы и травмы. М.: Когито-Центр, 2020. 341 с.

(Mitchell J. *The Hidden life of brothers and sisters: threats and traumas*, Moscow, 2020, 341 p. — In Russ.)

Нагорнов Е. А. Архаический пласт русской революции в идейном поле русской религиозной философии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, кн. 4—5. С. 230—237.

(Nagornov E.A. Archaic stratum of the Russian Revolution in the ideological field of Russian religious Philosophy, *Scientific Notes of Kazan University, Series: Humanities*, 2021, vol. 163, book 4—5, pp. 230—237. — In Russ.)

Санжарова О. Н. Синкретизм: когнитивные истоки происхождения и когнитивные основания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Языкознание. 2020. № 3. С. 120—125.

(Sanzharova O. N. Syncretism: cognitive origins and cognitive foundations, *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, Series: Linguistics*. 2020, no. 3, pp. 120—125. — In Russ.)

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М.: Захаров, 2023. 752 с.

(Stepun F. A. *The former and the unfulfilled*, Moscow, 2023, 752 p. — In Russ.)

Франк С. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. 736 с.

(Frank S. *Russian worldview*, St. Petersburg, 1996, 736 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.11.2024; одобрена после рецензирования 24.12.2024; принята к публикации 14.01.2025.

The article was submitted 16.11.2024; approved after reviewing 24.12.2024; accepted for publication 14.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Петряков Леонид Джоржович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru

Petryakov Leonid Dzhorzovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Humanities, Social and Economic Sciences Department, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, Yaroslavl, Russian Federation, tkstudia@yandex.ru